

Б. Б. ГЛИНСКИЙ

Константин Петрович Победоносцев

(Материалы для биографии)

Скончавшийся 10 марта сего года член Государственного Совета и бывший знаменитый обер-прокурор Св. Синода, Константин Петрович Победоносцев, представляет собою в нашей столь небогатой выдающимися личностями жизни явление необычайного порядка. К его имени в течение слишком четверти века приковывалось внимание современников, оно не сходило со столбцов нашей печати, одни его ненавидели и проклинали, другие славословили, перед ним преклонялись и его благословляли; одни видели в нем ангела-спасителя России, другие — ее злого гения. Безразлично к нему никто не относился. Он был определенным историческим знаменем, которое рвали бури и непогоды, вокруг которого кипели страсти и борьба. И так не только в течение двадцати пяти лет, когда он стоял в ряду активных деятелей нашего государственного механизма, но даже когда он, обремененный годами и несогласный с новыми течениями правительственного курса, сошел с государственной сцены и утратил всякое влияние на ход событий. Даже после этого момента, последовавшего в 1905 году¹, он не сошел в глазах и мнении современников совсем на нет, а продолжал оставаться все тем же несколько таинственным, с налетом драматизма, Победоносцевым, которому стоустая молва продолжала приписывать всяческие легенды, связывать с его именем всевозможные слухи, порою самые фантастические, ожидать с его стороны какого-нибудь начинания, долженствовавшего иметь на события дня решающее влияние. В этом психологическом настроении общества усматривается своего рода гипноз, не оправдываемый фактами действительности, а относимый скорее на счет того глубокого следа, который ближайший сотрудник императора Александра III оставил своей

былой деятельностью на разных поприщах нашей исторической жизни. Прошлое засчитывалось в настоящее, откуда получалась определенная историческая преемственность и наличность определенного государственного служения интересам родины.

Когда после известного манифеста 17 октября 1905 г. мы обогатились «свободами» и в том числе некоторою свободою печати, то за исключением покойного Д. Ф. Трепова и П. Н. Дурново, ни на кого уличная «свободная» и дешевая сатира не вылила столько злобы и глумления, как на того, перед кем она еще не так давно, в дни его силы и власти, принудительно безмолствовала. Улица всячески тешилась над больным стариком и сводила с ним былые счеты, на которые он совершенно не считал нужным отвечать. Он как бы чувствовал себя в прошедшем и готовился вполне сознательно к тому неведомому будущему, где нет болезней и вздыханий, где перед его духовными взорами раскрывались светлые горизонты, осененные Божией милостью, небесною правдою и любовью...

Во всю ширь Литейного проспекта движется пестрая, разнокалиберная и возбужденная толпа, над головами которой реют красные знамена с зажигательными призывами и из сотен грудей вырывается и далеко несется песня: «Вставай, подымайся, рабочий народ». Толпа останавливается против темного двухэтажного дома № 62, где много лет живет Константин Петрович, останавливается, чтобы прокричать ему слова ненависти и злобы, прокричать и двинуться далее в торжественной и шумной манифестации во славу грядущего сознательного пролетариата. Крик толпы доносится до восьмидесятилетнего старца, но он не вызывает его ответной злобы, слова песни ничего не говорят его сердцу. Он весь в молитве и научном труде. Революционный напев улицы тонет в тех древнерусских церковных напевах, которыми полна его душа, резкие слова, зовущие к политической свободе, для него бледны и малозначащи перед теми словами Нового Завета, в которые он целиком и ушел и где он видел истинную свободу личности и торжество духа. И когда эта толпа шумно и грозно требовала от своих представителей резкого и беспощадного выступления против сложившегося порядка вещей, в создании которого он принимал в свое время такое деятельное участие, а эти представители с своей стороны наполнили почти всю прессу и весь книжный рынок произведениями, согласными велениям взбудораженной массы, он ничего не противопоставил резким словам осуждения в защиту того, чему так долго и так неустанно служил. Уже холодеющей рукой он протянул лишь своим друзьям и недругам небольшой печатный том,

где на обертке значилось: «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К. П. Победоносцева. Опыт к усовершенствованию перевода на русский язык священных книг Нового Завета».

Удрученный годами и болезнями, умудренный громадным житейским и государственным опытом, Победоносцев, сыгравший в первые дни восьмидесятых годов прошлого столетия такую решающую роль в русской истории, через двадцать пять лет после тех приснопамятных дней, когда он отринул приближение даже тени конституционализма на русскую землю, сходил медленно в могилу с арены жизни при торжестве именно тех начал, которым он когда-то нанес такой сильный удар и против которых он так упорно боролся. На его глазах и при его содействии создалась Россия Александра III и на его же глазах она постепенно стала отходить в даль преданий и невозвратного прошлого. Рушилось все им созданное в этой области, и он, последний видный представитель «сильной государственной власти», оказался бессильным чем-либо остановить ход этого разрушения. В этом бессилии, несомненно, наблюдается элемент исторического трагизма, элемент, который в обработке талантливого драматурга мог бы послужить материалом для шекспировской темы.

Победоносцев целиком вышел из сокровенных глубин русской жизни, явил собою в высшей степени своеобразный тип русского ученого государственного мужа, необычайно сильного своим анализом и скепсисом и слабого, как творца жизни и форм этой жизни. Мягкий, добрый, уступчивый в личном обиходе, скромный и непритязательный, он рядом с этим обрисовался в ходе наших исторических событий государственным деятелем твердого уклада и определенной непоколебимой тенденции. Он воплотил в себе известный исторический период, принял на себя вполне убежденно и сознательно ответственность за этот период и таким образом отдал себя на суд истории без страха и боязни этого суда. На страницах «Исторического вестника» уже было однажды обстоятельно говорено о скончавшемся Константине Петровиче, как деятеле нашей литературы и науки*. В настоящем очерке делается опыт дать его краткую характеристику, в связи с некоторыми явлениями нашей жизни, но при этом автор характеристики должен несколько оговориться. Для полного освещения личности Победоносцева, освещения беспристрастно-

* Статья Б. В. Никольского «Литературная деятельность К. П. Победоносцева по поводу пятидесятилетнего юбилея».

го и полного, еще не настало время и главным образом потому, что для этого нет еще в наличности достаточного материала. Когда станут известны и доступны все записки, официальные и конфиденциальные, которые по самым разнообразным вопросам подавал Константин Петрович, когда будет опубликована его обширнейшая переписка с разного рода деятелями отечественной жизни, когда будет собран воедино весь громадный умственный материал, который остался разбросанным по многим местам после покойного, лишь тогда определится достаточно полно и рельефно его оригинальный и в высшей степени замечательный образ и установится его место в летописях русской истории.

К. П. Победоносцев вышел из духовной семьи московского клира. Дед его был священником Звенигородского уезда, а отец — профессором словесности Московского университета. С раннего детства его окружала атмосфера церковности, которая глубоко и крепко проникла в его душу, оставив в ней неизгладимый след и направив ее по определенному пути служения тому сословию, из которого он вышел. Родился он в 1827 году и, по получении под руководством отца основательной домашней подготовки, был определен в училище правоведения, которое окончил в 1846 году. В литературе не имеется данных о детских и юношеских годах Константина Петровича. По природе очень скромный и скупой на сообщение биографических о себе сведений, он не составил по себе какого-либо автобиографического материала. Известно лишь, что у него было несколько братьев и сестер с обширным потомством, к которым он относился тепло и любовно, но для которых он никогда не пускал в ход, подобно многим другим сановникам, как, напр<имер>, покойному Ванновскому, своего влияния и связей, в интересах их жизненных благ и карьеризма. По окончании правоведения он начал свою службу в 8-м департаменте правительствующего сената, а с 1853 года вернулся в Москву, где исполнял должности обер-секретаря при общих собраниях московских департаментов. К этому времени относится и начало его литературной деятельности, обнаружившей сразу в молодом чиновнике сената большой литературный талант и широкие юридические познания, выдвигающие его в ряд первоклассных отечественных цивилистов, горячо отзывающегося не только на вопросы своей излюбленной специальности, но и на животрепещущие запросы политического дня. Статьи его того периода печатались на страницах тогдашнего умеренно-либерального «Русского вестника», и из числа их надлежит отметить «Заметки для истории крепостного права в России» и «О реформах

в гражданском судопроизводстве». Первая из них касалась жгучего тогда вопроса русской социальной жизни, в рассмотрении его под углом зрения просвещенного и прогрессивного исследователя; вторая явилась той своего рода влиятельной визитной карточкой для входа в храм науки, которая широко раскрыла перед ним двери этого храма и создала ему имя выдающегося молодого ученого. Во внимание к его научно-литературным работам московский университет пригласил его на кафедру гражданского права, которую он и занимал с 1859 по 1860 год; на следующий год судьба оторвала его от непосредственной близости к учащим и учащимся в старейшем русском университете и ему предложено было преподавать законоведение наследнику цесаревичу Николаю Александровичу и великим князьям Александру Александровичу и Владимиру Александровичу. Этот переход из университетских аудиторий в интимные комнаты дворца явился в жизни Победоносцева решающим моментом: он отрывается от служения чистой науке, приобщается к дворцовой жизни и государственной деятельности, причем последние две сферы отныне становятся взаимодополняющими и стоящими в тесной связи и зависимости, как с внешней стороны, так и со стороны их идейного содержания, что особенно усилилось и проявилось в восьмидесятые годы, когда на престол вступил бывший ученик Победоносцева, Александр III, во многих отношениях находившийся под религиозно-нравственным влиянием своего старого наставника.

Чтение лекций наследнику-цесаревичу обратило на него внимание императорской семьи, и в 1863 г. ему поручается сопровождать Николая Александровича в его путешествии по России, результатом каковой поездки явилась нам написанная книга «Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России», отрывки из которой и до сих пор помещаются в наших хрестоматиях, как лучшие образцы русской прозы и отечественной стилистики. Характеризуя нашего ученого писателя, именно как стилиста, г. Никольский* говорит: «...Нельзя отрицать замечательного своеобразия слога К. П. Победоносцева. Он обладает удивительным искусством писать какими-то *несомненными* словами, с какою-то механической точностью выражающими свое содержание. Даже в минуты одушевления в его речи слышна металлическая, звонкая точность: его слова не отстают от мыслей, не обгоняют их; ни намеков, ни поэтической недосказанности с них нет. Как стилист, он, можно сказать, чеканит

* «Исторический вестник», 1896 г.

свои мысли. И это не элегантная, народная чеканка изысканных и пышных французских стилистов, нередко по ближайшем рассмотрении оказывающихся просто изделиями из дутого металла: это добросовестная, несколько тяжеловесная и угловатая обработка полноценных, веских мыслей». Приведя соответствующие выдержки из произведений рассматриваемого автора, г. Никольский продолжает: «Манера его письма всецело заимствована им у наших духовных писателей и может быть признана манерой церковной стилистики по преимуществу. Эта стилистика страдает, как известно, однообразием сравнений и уподоблений, допуская риторическое творчество лишь в пределе немногочисленных традиционных образцов, украшений и фигур. Слова обыденной разговорной речи она заменяет их синонимами, носящими книжный характер, и таким образом живость и меткость речи заменяет отвлеченной кристаллической точностью. Она допускает большие грамматические неправильности, изобилует латинизмами и грецизмами, не говоря уже о насильственном укладывании гибкой и подвижной русской речи в искусственные, угловатые церковно-славянские обороты. Но при всех этих недостатках церковная стилистика носит на себе неизгладимый отпечаток художественного благородства. Она вышла из школы писателей древнего мира, этих более чем служителей, а скорее жрецов слова, ревностных блюстителей его чистоты, красоты, разнообразия и силы... Она требует от писателя действительного творчества, о чем бы он ни писал; она не допускает готовых слов с готовыми мыслями, но требует для великой мысли создавать ее врожденное выражение. Потому она учит сообщать интерес предметам их описанием, значение мыслям их выражением. Оттого, например, до настоящего времени сохранили интерес свежесть и прелесть новизны превосходные «Письма о путешествии наследника цесаревича», с точки зрения выполнения и слога действительно напоминающие классических авторов. Самые, по-видимому, незначительные подробности и эпизоды знаменательного путешествия приобретают какую-то особенную яркость, выпуклость и значения от того сжатого, точного и оживленного слога, которым описаны. Усердие историка, ученого и политика применено здесь образцовым стилистом к небольшому биографическому эпизоду, и результатом этого усердия является совершенно неожиданная прелесть для читателей простых, но разнообразных, «не мудрствуя лукаво», но обдуманном летописным тоном описанных событий».

Эта с любовью и знанием дела написанная характеристика стилистической манеры письма Победоносцева исчерпывает во-

прос полностью и остается лишь сказать, что по технике своей письменной речи ученый писатель может по справедливости быть поставлен в один ряд с такими виртуозами русского слова, как покойные И. Аксаков и М. Катков с отличием от них лишь в том отношении, что в его изложении мыслей постоянно проглядывало тяготение к церковным оборотам речи и духу нашей церковной словесности, родство и близость с которой у него начались еще с детских лет.

По переезде в Петербург Победоносцев был назначен в 1865 г. членом консультации при министерстве юстиции, а с 1868 г. сенатором второго департамента, откуда в том же году был перемещен в гражданский кассационный департамент. 1-го января 1872 г. ему было все милостивейше повелено быть членом Государственного совета с присутствием в департаменте гражданских и духовных дел. В 1875—1876 гг. он состоял членом комиссии для рассмотрения всеподданнейших отчетов по министерству народного просвещения, в 1877 г. — членом комиссии для рассмотрения дела о преобразовании тюремной части и о пересмотре второй главы первого отдела уложения о наказаниях, в 1879 г. членом совета по тюремным делам, а 24 апреля 1880 г. обер-прокурором Св. Синода и в том же году назначен членом комитета министров. Последнее назначение, по свидетельству «Нового времени» *, «обратило на себя в свое время общее внимание. Дело в том, что до того времени обер-прокурор Св. Синода, хотя, по своему значению в управлении делами православного ведомства, занимал пост, почти равный министерскому, не считался, однако, членом комитета министров. Предшественник К. П. Победоносцева, граф Д. А. Толстой, был членом комитета министров лишь по званию министра народного просвещения, между тем как К. П. Победоносцев был сделан членом комитета министров лично». Оставаясь в течение двадцати пяти слишком лет на посту обер-прокурора Св. Синода, Победоносцев в 1894 г. был назначен статс-секретарем, в день св. коронации 15 мая 1896 г. ему пожаловали орден св. Владимира первой степени, в день открытия памятника Александру II (16 августа 1896 г.) — орден св. Андрея Первозванного, и 19 октября 1905 г. он удостоился высочайшего рескрипта, где между прочим говорилось: «Состоя в течение четверти века ближайшим сотрудником в Бозе почившего Деда и Родителя моих и моим по делам духовного ведомства православного исповедания, Вы своими совершенно выдающимися способностями и беззаветною преданностью престолу снискали искреннее мое уважение».

* «Новое время», 1907 г., № 11133.

Будучи сотрудником трех императоров в определенной сфере государственного управления, обер-прокурор Синода не ограничивался однако, отведенной ему определенной областью государственных дел. И по званию члена Государственного совета, и как лицо приближенное к своим державным вождям, и как человек-гражданин с строго-определенным мировоззрением, он проявлял интерес и влияние по самым разнообразным отраслям отечественной жизни, подавая по всем важнейшим вопросам управления свой независимый и убежденный голос. В октябре 1905 г. он подал в отставку и покинул пост обер-прокурора Св. Синода, сохранив за собою звание члена Государственного совета, но в данном положении, до самой своей кончины, насколько позволяли ему силы и время, он продолжал служить государю и родине, зорко следя за всеми явлениями нашей внутренней жизни.

Выступив на литературном поприще с указанными выше печатными работами по преимуществу юридического характера, К. П. Победоносцев уже в 1861 г. начинает опубликовывать и свои работы по вопросам религиозно-нравственным. Так, в этом году он издает свой перевод книжки Тирша «Христианские начала семейной жизни», а в 1863 г. помещает в «Русском вестнике» статью «Тишендорф и Синайская Библия». В 1869 г. он издает свой классический перевод с латинского сочинения Фомы Кемпийского «О подражании Христу», каковой его труд, вышедший ныне уже седьмым изданием, представляет собою, по мнению специалистов, не только лучшую передачу оригинала, но вместе с тем и образцово составленную книгу с «примечаниями и размышлениями из духовных писателей», с библиографическим указателем и прекрасным вступлением от издателя-переводчика, повествующего, какое значение им придается выпускаемому труду. «Книга эта, — говорит он здесь, — исполнена священной поэзии. Каждая страница в ней дышит, если можно так выразиться, лирическим восторгом верующей души. Всюду в ней слышится торжественная песнь о Боге, о вечности и о судьбе человека».

За год перед тем (1868 г.) им был издан замечательный «Курс гражданского права» (2 тт.), каковой в 1873—75 гг. был переиздан с значительными дополнениями после того вышел еще несколькими изданиями. Это, по оценке специалистов, «классическое произведение русской юридической литературы» обнимает собою большинство его работ по отдельным вопросам государст-

венного права и является первой полной обработкой действующего русского гражданского права. В основу этого в своем роде единственного у нас юридического труда положен историко-юридический метод, причем каждый институт рассмотрен автором в римском, французском и германском праве; установив основную идею института, исследователь уже после того переходит к изложению русского законодательства в этом кругу, предпосылая всегда догматическому изложению исторический очерк происхождения и развития данного института на отечественной почве. Такой метод работы дает возможность в потребных случаях читателю судить, в чем русский закон учреждения соответствует или не соответствует общему его типу, как он выразился в истории, в экономии и в праве Западной Европы. «Курс гражданского права» явился у нас первой самостоятельной и детальной разработкой действующего русского права, в его истории и в связи с практикой, получил в нашей литературе большую научную и практическую цену, сделавшись противовесом германской, романистической схоластике, отрешившейся от истории и современного права в его новейших, не схожих с римскими, образами.

И по содержанию и по идейному богатству ближайшим образом примыкает к «Курсу» другая его юридическая работа — «Судебное руководство», где он выдвигает свое главное положение, заключающееся в том, что закон — «только опора для исполнителей и требует от них известного знания и разума, приобретаемого не из буквы закона, а из школы и из того совместно и последовательно накопленного запаса сил и опытности, который собирается трудом поколений».

Для иллюстрации того, какие требования предъявлял К. П. Победоносцев к русским ученым в области изучения отечественного права, какие цели он им ставил и как он смотрел на их призвание, их долг перед родиной, небесполезно привести нижеследующую выдержку из его «Курса». Он говорит: «Изучать надо самые памятники законодательства. Для сего мы имеем превосходный материал в «первом полном собрании законов», и за него то надобно взяться каждому, кто захочет заниматься русским правом серьезно. К полному собранию законов прибегают обыкновенно лишь на случай справок, и тогда приискивают в нем нужные указы, большею частью при помощи изданного при оном алфавитного указателя. Но этот способ изучения неполный, отрывочный и весьма ненадежный по крайней ненадежности алфавитного указателя. В полном собрании законов необходимо самому пробивать себе дорогу, и потому я серьезно советую вся-

кому истинно жаждущему знаний приняться за чтение полного собрания, начиная с первого тома. При чтении необходимо составлять себе краткие отметки и выписки, которые впоследствии останутся для читателя на всю жизнь надежнейшим и полнейшим указателем на случай нужды. Многим может показаться странным такой совет; но смею уверить всякого, что такое чтение, в начале, правда, требующее некоторых усилий, вскоре окажется интересным, а для иных и увлекательным чтением. С каждым томом читатель станет входить в силу и живее почувствует в себе драгоценнейший плод внимательного труда — здоровое и дельное знание, то самое знание, которое необходимо для русского юриста и которым русские юристы, к сожалению, так часто пренебрегают, питаясь из источников иноземных: незаметно воспринимают они в себя понятия, возникшие среди истории чужого народа, усваивают начала и формы, на чужой почве образовавшиеся и связанные с экономией такого быта, который далеко отстоит от нашего: естественно, что отсюда родится ложное понятие о потребностях нашего юридического быта и о средствах к их удовлетворению, пренебрежение или равнодушие к своему, чего не знают, и преувеличенное мнение о пользе и достоинстве многого такого, что хорошо и полезно там, где нет соответствующей почвы и соответствующих условий исторических и экономических. Такое знание невозможно признать здоровым и истинным, как отрешенное от жизни, следовательно — от истины. Напротив, тем и дорого изучение нашего полного собрания законов для русского юриста, что здесь каждое явление юридическое, каждое положение представляется в связи со всею обстановкою быта, со всеми данными историческими, и в совокупности с ними объясняется».

Обратив также внимание на вышеприведенные слова, г. Никольский в своей статье «Литературная деятельность К. П. Победоносцева» *, вполне справедливо замечает, что они чрезвычайно важны для понимания миросозерцания нашего ученого писателя. Здесь выражено, по его мнению, «требование точного и твердого знания, знания положительного и наглядного, чуждого смелых обобщений и умозаключений... выражено отвращение ко всякой предвзятости, ко всякой теоретичности, ко всякому предreshению частных общими взглядами... заявлено твердое требование дисциплины мысли на положительном опыте, изошрения суждения к пониманию частных не отвлеченной логической эквилибристикой, а непрерывным изучением фор-

* «Исторический вестник», 1896 г.

мальных данных... слышится благоговение к народу и жизни народной, то благоговение, которое не требует смирения, не принуждает к нему, а неразрывно с ним».

Стремясь как можно обстоятельнее ознакомить русских юристов с разными вопросами, возникающими из изучения юридической практики, Победоносцев предпринимает ряд работ, относящихся к восьмидесятым годам, из которых главнейшие: «Некоторые вопросы, возникающие по духовным завещаниям», «Приобретение собственности и потомственные книги», «Вещный кредит и закладное право», «Имение родовое и благоприобретенное», «Одноворческие земли и начало специального межевания в России», «Юридические заметки и вопросы по наследственному и завещательному правам», «О чресполосном владении», «Судебное руководство», «Материалы для истории приказного судопроизводства в России», «Исторические исследования и статьи» и др.

Разрабатывая неустанно многие вопросы отечественной жизни в их историко-юридической постановке, ученый писатель продолжал от времени до времени откликаться и на политические злобы дня. Так, во время славянского освободительного движения на Балканском полуострове им были изданы две переводные работы: одна с английского — «Болгарские ужасы и восточный вопрос» Гладстона (1876 г.) и с чешского — «Приключения дворянина Вратислава в Константинополе, в тяжкой неволе у турок с австрийским посольством» (1877 г.). В последующие же десятилетия он выступает в литературе по преимуществу с вопросами церковными и нравственно-религиозными и дает в этой области ряд трудов значительной важности. К числу таковых относятся: «Доброе слово воспитанникам духовных семинарий и академий по поводу нынешних страшных событий» (1881 г.), «Историко-юридические акты эпохи XVII и XVIII веков» (1887 г.), «История Православной Церкви до разделения церквей» (1891 г.; четыре издания), «Праздники Господни» (1893 г.; шесть изданий), «Для немногих», воспоминания об Эдите Раден (1893 г.), «Фредерик Ле-Пле» («Русское обозрение», 1893 г., кн. 9; отдельно — Москва, 1897 г.), «Победа, победившая мир» (1895 г.; восемь изданий), «Вечная память», воспоминания о почивших (1896 г.), «Московский сборник», собрание главных статей о церкви и государстве (1896 г.; пять изданий, переведено на немецкий, французский, английский языки), «Сборник мыслей и изречений митрополита московского Филарета» (1897 г.), «История детской души» (1897 г.; три издания), «Новая школа» (1899 г.; два издания), «Воспитание характера в школе» (1900 г.),

«Ученые и учитель», педагогические заметки (два выпуска, 1900—1904 г.), «Призвание женщины в школе и обществе» (1901 г.), «Воспоминания о Вас<илии> Петров<иче> Зубкове» («Русский архив» 1904 г., кн. 2), «Экскурсия в русскую грамматику» (1904 г.) и «Откуда нигилизм» (1904 г.).

Состоя в течение многих лет (с 60-х гг.) сотрудником «Московских ведомостей», К. П. Победоносцев поместил на страницах этой газеты, между прочим, следующие статьи: «Памяти великой княгини Екатерины Михайловны» (1894 г., № 155), «Прощание Москвы со своим Царем» (1894 г., № 300), «Об университетском преподавании» (1899 г., № 173) и «Ответ русского человека Кропоткину» (1901 г., № 284–285).

Кроме «Московских ведомостей», Победоносцев помещал свои работы на страницах «Архива» Калачева, «Журнала министерства юстиции», «Юридического вестника», «Чтений в императорском обществе истории и древностей при московском университете», «Русского архива», «Русского обозрения» и др. Но преимущественный способ, избранный им для обнародования своих работ, был — выпуск их отдельными изданиями, общедоступными и дешевыми, в расчете не на получение с них прибыли, а на широкое их идейное распространение. Необходимо отметить, что почти в исключительном распоряжении Константина Петровича состоял большой издательский капитал имени А. Муравьева, который также употреблялся им на выпуск многих духовно-нравственных трудов и брошюр, которые им печатались и выпускались без обозначения на обложке о причастии к их изданию обер-прокурора Св. Синода*. В кратком журнальном очерке, составляемом в качестве очень срочной работы, нет возможности привести полного библиографического списка трудов и изданий Победоносцева. Это дело его будущего биографа и тех, кому дорога память о почившем деятеле отечественной литературы и русской государственности.

Центральным местом из всех перечисленных выше произведений покойного, относящихся к восьмидесятым и девяностым годам, где изложено его полное религиозно-философское и политическое *profession de foi*, должен считаться «Московский сборник» — это в высшей степени оригинальное явление русской самостоятельной мысли, обратившее на себя внимание широких

* Главнейшими изданиями должно считать: «Письмо о Богослужении», «Путешествие по святым местам русским Муравьева», «Беседы об отношении церкви к христианам», «Слова Григория Богослова», «Сборник церковно-учительных чтений на дни страстной седмицы» и др.

кругов общества, как у себя на родине, так и за рубежом ее. По силе слога, по чистоте языка, по отчеканке мысли весьма и весьма немногие произведения отечественной литературы могут быть поставлены в одном ряду с этим собранием статей, где автор с беспощадной логикой, с страшным пессимизмом, анализирует все основы современной западно-европейской культурной жизни, приходит к полному их отрицанию и делает попытку противопоставить им национально-русские идеалы, поскольку таковые вытекают из толкования им исторических и церковных (по преимуществу) явлений русской жизни. Подобно тому, как в свое время у другого русского глубокого мыслителя, Чаадаева, вырвался безутешный крик отчаяния при рассмотрении им наличности русской исторической действительности, так у К. П. Победоносцева с каждой страницы «Московского сборника» несется крик отчаяния при анализе разных проявлений западно-европейской жизни. Чаадаев видит панацею от всех отечественных зол и болезней в приобщении нас к католической церкви, так, наоборот, Победоносцев призывает современников к поклонению православию и русской исторической церковности и отворачиванию от тех якобы, по его мнению, ложных западно-европейских благ, к которым в безумии мысли и вожделений стремится русский интеллигент. Ложь — современное просвещение, ложь — демократия и народоправство, сплошная ложь — современная периодическая печать, ложь — современный гласный суд, ложь — парламентаризм, ложь — вся современная жизнь без Христа, без истинной церкви, без истинной веры! Вот те сильные крики, крики ужаса и отчаяния, которые несутся со страниц «Московского сборника». Все положительное, что здесь изложено, бледнее отрицательной части, изложено в виде принимаемых на веру аксиом и является наглядным доказательством большей силы автора в анализе и отрицании, нежели в синтезе и творческой работе.

В свое время (1896 г.) «Исторический вестник» дал специальный отзыв о «Московском сборнике», почему возвращаться к исчерпанной уже теме в настоящем очерке по недостатку времени и места не приходится.

Последней крупной работой нашего ученого мыслителя, появившейся на книжном рынке, в качестве своего рода уступки духу времени, является его упомянутый уже перевод Нового Завета. Этот перевод, изданный первоначально в очень ограниченном количестве экземпляров, не предназначался для широких слоев русского общества, для народа, которому, по мнению переводчика, был вполне доступен и славянский язык Еванге-

лия; но, как он признается в предисловии, «признано, однако, нужным иметь русский перевод Евангелия», и вот он уступает и издает, как бы против воли, свой интересный труд, о котором несомненно наши лингвисты и богословы не преминут сказать свое авторитетное слово.

Всем сказанным в общих чертах исчерпывается кипучая деятельность Константина Петровича в области научно-литературной и остается лишь в заключение заметить, что положительно удивляешься, как этот государственный деятель, вечно призываемый к самым ответственным правительственным работам, прикованный к неустанному труду над отечественным государственным и церковным строительством, находил время для столь разнообразной и продуктивно деятельности в области научной мысли и литературного труда. Его природный талант и глубокий ум не иссякал и не тускнел годами и под влиянием повседневной практической работы. Он с годами и в опыте жизни как бы очищался и кристаллизовался в определенном направлении и, пройдя разные фазы труда, от земного успокоился на божественном, на тех высях, куда доступ имеют или люди самые простые и «кроткие сердцем», или избранники рода человеческого, которым потомство дарит наименование великих мудрецов и учителей жизни. Каков же будет в этом отношении суд о нем потомства в грядущих поколениях? Для ответа на этот вопрос еще не настало время и менее всего благоприятно для того настоящее время, когда кругом кипят страсти и политические бури и когда явлениям жизни нет спокойного суда и рассуждения, и в особенности в отношении тех, кто так или иначе своей жизнью и деятельностью был причастен и этим бурям, и той пыли земли, которая встала густым облаком над всею поверхностью нашей родины, как прямое следствие отечественной непогоды.

Выше был приведен служебный формуляр К. П. Победоносцева, его государственный curriculum vitae, из коего усматривается, что выдающимся моментом его практической деятельности на поприще государственной службы был 1880 год, когда он был назначен обер-прокурором Св. Синода и членом комитета министров. Такое почти одновременное назначение свидетельствует, что ему сразу удалось поднять значение порученного ему поста на значительную высоту, которым этот пост до него не пользовался, и достигнуть преимущественного внимания правительственных сфер к ведомству православного исповедания. Не-

сомненно, в данном случае ему сослужила добрую службу и помогла достигнуть желанного результата та близость ко двору и к наследнику престола, которая завязалась еще в шестидесятых годах. Обер-прокурор в лице Победоносцева и обер-прокурор в лице его предшественника гр. Д. А. Толстого, две величины не равнозначные ни по своему иерархическому положению, ни по тому значению, которое эта должность завоевывает себе, как известная часть русской жизни в области отношений церкви к государству. Представитель формальной церковной жизни до Победоносцева был явлением печальным и недостойным той миссии, которая ему была отведена историческим ходом вещей.

Кн. В. П. Мецкерский в своих интересных «Воспоминаниях» *, относящихся к эпохе 1865—1881 гг., так рисует предшественника Победоносцева на его ответственном и важном посту: «В области отношений к церкви, — повествует он, — граф Толстой, как человек, изображал собою деиста, философа, все, что хотите, но только не убежденного православного христианина, следовательно, почва, на которой этот необыкновенный умом и образованием государственный человек мог действовать, как обер-прокурор Синода, была только почва деловая, официальная и формальная, на которой в каждом вопросе и в сношении с каждым лицом могли участвовать его ум, его степень знания, но где его душевное, а тем паче его сердечное участие совсем отсутствовали; оттого дух индифферентизма к живой и главенствующей роли церкви стал, так сказать, руководительным началом его политики обер-прокурора Синода, и вследствие этого то, что могло быть случайно до него, — давление обер-прокурора на духовную самостоятельность Синода — при графе Толстом стало окончательно установившимся порядком вещей и одновременно обессилило церковь и обезличило ее иерархов.

Я живо припоминаю, с каким тяжелым впечатлением я выходил из приемной графа Толстого в великолепном нарышкинском палаццо по Литейной, ставшем домом обер-прокурора Синода, всегда переполненной толпою представлявшихся, так как на прием лиц по обоим ведомствам ** назначался один час в неделю. Тяжелое это впечатление происходило от зрелища тех архиепископов и епископов, которые ожидали в приемной рядом с разными учителями и чиновниками и одинаково ждали своей очереди, так что нередко архиепископу приходилось вхо-

* Кн. В. П. Мецкерский. Мои воспоминания, ч. 2.

** Граф Д. Толстой совмещал должность обер-прокурора и министра народного просвещения.

дить в кабинет графа после какого-нибудь надворного советника... Помню и то, как иному запоздавшему архиепископу неумолимый курьер говорил: опоздали, приходите на будущей неделе; помню, наконец, и то, что получить свидание вне этого часа в неделю было безусловно невозможно, какой бы важный к тому повод ни был. Эта неизбежная особенность в официальной жизни графа Толстого, не допускавшая особенного почитания к иерархам церкви, именно и выражала характер отношений графа Толстого к церкви и, практикуемая столько лет, везде распространила убеждение, что церковь в лице ее высших представителей в Петербурге в пренебрежении».

Совершенно меняется картина дела с назначением на должность обер-прокурора К. П. Победоносцева. Сам вышедший из духовной среды, не порвавший с ней ни внешней, ни внутренней связи, человек горячо верующий и страстно и убежденно исповедующий православие, человек обширного ума и громадной эрудиции, лицо, приближенное ко двору и имеющее непосредственно доступ к престолу и царской семье, переводчик Фомы Кемпийского явил на своем посту самую яркую противоположность и с формальной стороны, и с идейной своему предшественнику. Он сразу выдвинул с необычайной силою значение своей должности, потребовал почтения и внимания к церковным вопросам, к нуждам православной церкви и ее представителям, как стоящим на низшей ступени иерархической лестницы, так и высшей. Он авторитетно и властно заявил правительству и обществу: встаньте перед православным священником, поклонитесь с почтением и любовью перед его саном и отнесите благоговейно к той трудной и полной сокровенного и высшего значения крестной ноше, которую он несет. Его материальная бедность, приниженность и забитость, низкая порою степень его умственного и культурного развития — общий грех нашей исторической жизни, грех, который мы все должны искупить совокупными и дружными усилиями. Значение церковности в русской жизни должно быть восстановлено, как то было в до-петровский период, но, конечно, применительно к новому укладу государственности и общественности, духовенство должно быть поставлено на подобающую высоту, обеспечено в материальном отношении и по возможности поставлено вне зависимости от житейских случайностей; государство должно принять на себя попечение о нем, его семьях, ему должно быть вручено духовно-нравственное воспитание народа, в каковых целях надлежит усилить его образовательные ресурсы и дать ему возможность влиять широко и глубоко на все стороны отечественной жизни.

Самая русская жизнь, как она исторически и стихийно сложилась, рисовалась по ходу его мысли благоприятствующею для выполнения поставленных им задач: в этой жизни незыблема вера в Бога, и простой народ, хотя часто и бессознательно, но несет Богу свою душу. Здесь мы видим у него родственность порядка идей с Хомяковым и в особенности с Ф. М. Достоевским, с которым его связывали недаром узы самых дружеских отношений. Признав наличность благоприятствующих своей программе начал, заложенных хотя бы в зачаточном состоянии в русской действительности, он принялся с железною энергией и неумолимой последовательностью осуществлять свою программу. По мнению его принципиальных и идейных противников, в воздухе запахло ладаном и постным маслом, и московско-византийские идеалы начали вытеснять идеалы западно-европейские. Оппозиция ему, как государственному деятелю, не замедлила явиться на свет, вокруг его имени создались самые темные легенды, впрочем, не затрагивавшие его нравственной личности, и скоро наименование «черного папы» и «великого инквизитора» сделались сопутствующими ему наименованиями, произносимыми, конечно, за глаза. Немало содействовали такого рода репутации и самые представители церковной иерархии, радостно приветствовавшие его добрые начинания на пользу духовного сословия, но вместе с тем почувствовавшие, что отныне над ними бодрствует «недреманное царское око», от бдительного и острого взора которого не уйти и не укрыться. Мягкий, несколько нерешительный и уступчивый в личных отношениях, Победоносцев в роли обер-прокурора Синода, как царский слуга, как блюститель государственных интересов и исторических традиций, был суров, требователен и последователен в своих требованиях. Расточая широко заботы о духовенстве, о его материальном благополучии и социально-этическом значении, он вместе с тем предъявлял и ему требование, чтобы оно было достойно тех благ, которые ему даются из народных средств, и того положения, которое он своими реформами, своими мероприятиями и громадными усилиями ему приуготовляет.

Напрасно было бы думать, что он идеализировал духовенство, как белое, так и черное, как в его высших слоях, так и низших. Далеко нет. Он прекрасно понимал все слабые дефектные стороны его жизни и относился к ним с грустною иронией. Ему, человеку высокой эрудиции, было жалко умственное развитие большинства представителей сословия, в особенности сельского, попечения о котором он на себя принял; ему, человеку очень скромной жизни, нетребовательному и с очень ограниченным

запросом личного блага, претили те человеческие слабости, в виде разных самолюбий и тщеславий, с которыми приходилось постоянно считаться в отношениях иерархов между собою и в их отношениях к государственной власти и в рассмотрении ими своего служения церкви и народу.

Кое-что из сказанного может найти себе подтверждение в «Записках архиепископа херсонского Никанора», напечатанных в «Русском архиве» за 1906 г. *

Создав себе идеал пастыря церкви, стойкого в вере, в исторических национальных традициях, скромного и тихого, К. П. Победоносцев относился достаточно отрицательно и порою недружелюбно к тем представителям нашей церкви, деятельность которых почему-либо сложилась шумно и слишком на общественном виду. Так, если он вполне отвергал таких представителей церковной жизни, как, например, покойный Гапон или отбывающий ныне послушание в Черемнецком монастыре о. Григорий Петров, то далеко не всегда с ожидаемым сочувствием и полным одобрением относился он и к таким деятелям русской иерархии, как о. Иоанн Кронштадтский или архиепископ Волынский, преосвященный Антоний. Та популярность и как бы боевая позиция, которую оба названных духовных лица заняли в нашей современной жизни, не совсем приходились ему по вкусу и не во всем встречали его поддержку и сочувствие. Так, когда в «Исторический вестник» была доставлена рукопись с очень реалистическим изображением некоторых сцен в Кронштадте в связи с именем настоятеля Андреевского собора, и редакция была в колебании относительно возможности напечатания этой рукописи по тогдашним цензурным условиям и ввиду отношений к вопросу начальника главного управления по делам печати, покойного М. П. Соловьева, то из затруднительного положения ее выручил сам К. П. Победоносцев, покрывший рукопись своим авторитетом и признавший вполне возможным ее появление на страницах журнала. Рядом с такого рода отношением к представителям белого духовенства нам известно, что то скитание по епархиям, которое пришлось вынести преосвященному Антонию с перемещением из епархий, тяготеющих к столице, в более глухие и отдаленные, было делом рук обер-прокурора Синода, стремившегося как бы ограничить широко развертывавшиеся силы этого видного представителя монастырского начала. Несмотря на высоко-патриотическую, с яркой националистической и народнической окраской деятельность этого видного и талантлив-

* «Русский архив», 1906 г. Кн. 8–12.

вого иерарха, Победоносцев далеко не всегда оказывал ему должную поддержку, хотя, казалось, порядок идей их обоих по многим кардинальным вопросам русской жизни однороден. Тем ценнее для составителя настоящего очерка имеющееся в его распоряжении печатное письмо преосвященного Антония к Константину Петровичу *, которое он послал ему после того, как обер-прокурор Синода сложил с себя в 1905 г. должность, отошел от дел и подвергся в печати многочисленным нападкам и обвинениям. Преосвященный писал ему:

«Я откладывал со дня на день сие начертание вам русского слова: *прощайте и спасибо*, сомневаясь в том, доставлю ли вам удовольствие, или напротив — неприятное чувство. Однако наглые выходки газет, которые хотят свести на ничто вашу высокоценную патриотическую деятельность, побуждают меня все-таки исполнить требование своего сердца и высказать вам свое высокое уважение и благодарность. Промыслу Божию угодно было ставить меня в такие положения по отношению к людям, пользовавшимся вашим доверием, что я часто навлекал на себя ваше неудовольствие; кроме того, мои взгляды на церковь, на монашество, на церковную школу и на патриаршество не могли встретить в вас сочувствия и одобрения; однако при всем том, я никогда не мог сказать по отношению к вашей личности слов укорительных или враждебных: так непоколебимо было мое к вам уважение. Я чтил в вас христианина, чтил патриота, чтил ученого, чтил труженика. Я сознавал всегда, что просвещение народа в единении с церковью, начатое в 1884 году, исключительно благодаря вам и вами усиленно поддерживавшееся до последнего дня вашей службы, есть дело великое, святое, вечное, тем более возвышающее вашу заслугу церкви, престолу и отечеству, что в этом деле вы были нравственно почти одиноки. Вы не были продолжателем административной рутины, как желают представить ваши жалкие, бездарные критики. Напротив, вы поднимали целину жизни и быта, брались за дела, нужные России, но до вас администрации неведомые. Первое — дело церковно-приходских школ — вы таким образом подняли и вынесли на своих плечах. Второе — приближение духовной школы к духовным нуждам народа, к жизни церкви — вы старались выполнить, но здесь наткнулись на слишком неодолимую двухвековую косность самоуверенной и схоластической сословной громады, и хотя не сдвинули ее с места, но значительно поколебали ее в ее самоуверенности, и успели внести в нее несколько

* «Волынские Епархиальные ведомости», 1906 г. № 24, неоф.

стильных, оздоравливающих лучей церковного и народного духа. Вы подняли над грамотной Россией свет Божественной Библии, распространили слово Божие по дешевой цене на всех наречиях православных племен России и иных отдаленных стран. Вы украсили издания книг святых молитв и песнопений церковных, и старались убедить духовенство и общество в том, что послепетровская эпоха ее не улучшила, а понизила и исковеркала наши напевы и богослужение. Вы убедили лучшего из покойных царей наших приказать строить православные храмы в православном их архитектурном благолепии, а не в безобразном виде еретических капищ. Вы оценили высокие качества единоверческих общин, поддержали и ободрили поборников этого единственно надежного места от раскола к Церкви; вы умели ценить снедающую ревность о Боге под мужицкими зипунами, под бешметами учителей из крещеных инородцев. Вы отыскивали ревнителей веры и Церкви и не стыдились учиться у смиренных тружеников провинции — Рачинского и Ильминского — в то время, когда царь России имел вас своим главным советником, а Европа знала вас, как просвещеннейшего профессора и общественного деятеля... Вы не только служили, вы подвизались добрым подвигом. Вы не были, однако, сухим фанатиком государственной или церковной идеи: вы были человеком сердца доброго и снисходящего, как и все три государя, которым вы служили. Люди бедные, или скорбящие духом, люди споткнувшиеся находили сердечный отклик в вашем сердце. Вы не отступали перед страхами человеческими, но часто отступали перед слезами. Быть может, даже иногда погрешали против принципа, подчиняясь жалости, но не погрешали этим против Господа Иисуса Христа. Вопреки заявлению наших презренных врагов, форма и буква закона не были для вас высшим доводом: горячая и убежденная просьба склоняла вас на изъятие во имя милосердия. Особенно ценно в вас было то, что вы верили в человеческое раскаяние и исправление: в 1883 году вы простили одного раскаявшегося семинариста-революционера, а в 1898 году он был епископом, и таких случаев было много за время вашей службы».

Такое свидетельство о личности Константина Петровича, как человека и деятеля церковного управления, со стороны, которую никоим образом нельзя заподозрить в неприменной благоприятствующей пристрастности, чрезвычайно важно и является ценным биографическим материалом для настоящего очерка.

Архиепископ Волынский отметил главнейшие, по его мнению, заслуги Победоносцева перед церковной жизнью. Более распространенные сведения по сему предмету почерпаются из двух

трудов, которые с непреложною достоверностью свидетельствуют о плодотворности деятельности обер-прокурора Синода на пользу порученной ему области отечественной жизни. Труды эти — «Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III» и отдельный оттиск в виде брошюры из статьи известного исследователя и магистра И. В. Преображенского «Статистическая справка для соображений по вопросу о церковной реформе» *. В обоих трудах, официальном и неофициальном, чрезвычайно наглядно, в ряде статистических иллюстраций рисуется оживление церковной жизни за время К. П. Победоносцева, рост церковных учреждений и духовно-нравственных просветительных центров.

Под влиянием ряда мероприятий, предпринятых с 1880 г. вновь назначенным обер-прокурором, возникают новые учреждения духовно-просветительного и благотворительного характера, вызываются к жизни и восстанавливаются отодвинутые и затемненные течением времени некоторые формы древне-русского церковного строя; происходят значительные перемены в сфере высшего церковного управления и создаются новые учреждения; восстанавливается и открывается большое число новых приходов; возникают во множестве женские общины, большею частью со школами или другими благотворительными учреждениями для окрестного населения, а равно женские и мужские монастыри; по требованию местных условий учреждаются новые епархии. Особенное было обращено внимание в этот период времени на улучшение быта и материального положения духовенства ассигнованием на этот предмет в государственном бюджете более или менее значительных сумм, учреждением пенсий и жалований, а также положена забота об образовании детей церковно-служителей; вновь пересмотрены уставы и штаты духовно-учебных заведений. Начальное народное образование поставлено учреждением церковно-приходских школ на основах церковных и организовано в ближайшем общении с церковью; церковно-книжное издательство достигло при нем небывалых размеров, а церковное строительство получило особое значение и направление; преобразованы петербургская и московская Синодальные типографии, благодаря чему они получили возможность выпускать ежегодно многие тысячи общедоступных дешевых изданий для народа религиозно-нравственного содержания. Но самое важное, что дано духовенству исключительно стараниями Константина Петровича, это заведывание начальным об-

* «Церковные ведомости», 1905 и 1906 гг.

разованием народа. Церковно-приходская школа это в полном смысле слова излюбленное детище Победоносцева, на рост которой им было обращено самое тщательное внимание и к ней приложена неусыпная забота в уверенности, что со временем народ, пройдя повсеместно эти центры просвещения, станет именно в желаемой ему сознательной и нераздельной близости к церкви. Он неоднократно заявлял при жизни, что устройению этих школ он уделял наибольшее внимание и считал самым важным делом, так как оно делалось для народа. Поэтому наряду с заботой о сельском священнике, как главном руководителе церковно-приходской школы, он ставил заботу и о народном учителе, рисуя себе его в идеале по типу Рачинского. Народный учитель в его представлении должен после законоучителя быть главным проводником в народную массу церковных идеалов, религиозно-нравственных начал и исторических национальных традиций. По совокупности этих соображений его стараниями даны в распоряжение духовного ведомства большие средства для развития именно церковно-приходских школ и церковного просвещения народа.

В любопытной сводной статистической таблице, составленной г. Преображенским, в брошюре «Статистическая справка для соображений по вопросу о церковной реформе» приведены назидательные цифровые данные относительно роста церковно-приходских школ в разные царствования XIX столетия. Так, отсюда мы узнаем, что в последний год царствования Александра II в России числилось всего 273 церковно-приходские школы с 13 035 учащимися в них обоюбого пола. К концу царствования Александра III этих школ имелось уже 31 835 с 981 076 учащимися, а в 1902 г. считалось уже в наличности 43 696 школ с 1 782 883 учащимися.

Такое прогрессивное движение цифрового статистического материала наблюдается и по разным другим сторонам отечественной жизни, находящимся в непосредственной связи с церковным делом, оживляемым и восстанавливаемым исключительно усилиями и заботами Победоносцева, свидетельствующими об удачном выполнении им намеченной программы в области руководства им церковной жизнью. Но между выполнением формальной программы и осуществлением ее по существу замысла и конечной цели наблюдается в данном случае значительная и печальная пропасть, заставляющая задуматься над вопросом: мог ли считать Константин Петрович, озирая взглядом, обвешанным уже холодом смерти, все соделанное им в области

церковных мероприятий достигшим намеченного результата? Ответ придется, пожалуй, дать отрицательный, если судить по тем фактам нашей современной жизни, которые нам ежедневно приносят печать, почта и телеграф. Священники — руководители революционного движения и ораторы на социал-демократические темы, ограбление церковных и монастырских богатств, забастовки в духовных учебных заведениях, опустение храмов Божиих и падение церковных приношений, почти поголовная разнузданность сельского населения и пробуждение в нем зверских инстинктов, напоминающее время пугачевщины, падение в нем примитивной нравственности и исчезновение духовно-нравственных запросов, — вот та печальная наличность, которую не предупредила ни церковно-приходская школа, построенная на началах единения с церковью, ни священнослужители, потерявшие, несмотря на улучшенное их материальное и социальное положение, всякое былое влияние на свою паству и не могущее, да, пожалуй, и не желающее, воздействовать на нее именно в том историческом направлении и согласно с теми идеалами, носителями которых их желал видеть Победоносцев. Мы наблюдаем в настоящем случае трагический разлад между прекрасной и стройной теорией и жестокой практикой и, если даже признать, что все печальные отмеченные сейчас явления должны быть отнесены на счет психического острого заболевания, в котором несомненно, обретается в настоящие дни Россия, то и затем, какая же гарантия в том, что идеалам покойного философа-оптимиста суждено будет видеть осуществление, и связь между церковью и жизнью скажется с желанною силою в реальных проявлениях? Скорее можно предположить, что для осуществления этой связи нужны будут иные пути и иные методы, нежели те, которые были проложены и применены покойным деятелем Синода. Его пути были слишком односторонние, формальные и методы слишком механические. За ними не чуялось истинного веяния обновленной жизни, не виделись новые люди с тем настоящим запасом идеалов, которые могли бы выступить на авансцену русской жизни в дни ее смуты и затемнения со словом примирения и учительства.

Эту же мысль разделяет и издатель «Гражданина», когда говорит в своем «Дневнике» о почившем К. П. Победоносцеве вслед за его смертью:

«В далеком прошлом припоминаются мне те чудные беседы с Победоносцевым о церкви, в которых он так ясно, так живо и так метко, знатоком каждой тайны и каждой складки этого мира, критиковал и порядки и людей, — повествует кн. Мещерский. —

Понятно, что вследствие этого припоминается мне и та бесконечная радость, которую мы все, знавшие взгляды Победоносцева на церковь, испытали в минуту, когда узнали, что граф Лорис-Меликов купил падение главного *ретрограда* графа Толстого назначением на его место обер-прокурором Синода другого главного *ретрограда* — Победоносцева. И что же? Оказалось, что за время своего княжения в Синоде, после слабых попыток, в самом начале, что-то разбудить, что-то шевельнуть, он не только ничего не придумал в области творчества, но все время делал и допускал то, что так верно критиковал в своих предшественниках, и в подчинении буквы и духа церкви и ее иерархов неограниченному по власти “я” обер-прокурора он не изменял преданиям своих предшественников, не переставая в то же время оставаться гениальным критиком во всем, что подпадало под суд его ума. Замечательно, что во время бытности его обер-прокурором Св. Синода им написана и издана была книжка “Московский сборник”, которая по критическому уму ставит Победоносцева наряду с умнейшими мыслителями мира и которая должна, по моему глубокому убеждению, быть читанною и перечитываемою не только начинающим свою сознательную жизнь человеком, но каждым педагогом, каждым государственным человеком. Читая страницы этой гениальной книжки, где на каждой из них нельзя не приходиться в восхищение от тонкого анализа самых сокровенных душевных тайн, от светлого и зоркого взгляда на каждый государственный вопрос, от теплых отзвуков сердечного участия к немощам и слабостям человека и, наконец, от проявления самого чистого культа христианства, я задумывался, закрывая книжку, над разрешением неразрешимой загадки: как согласить, что та же самая душа, которая в этом творчестве писателя могла подниматься так высоко над людскою пошлостью и так глубоко проникать в духовные тайны человека, в роли и в обиходе хозяина такого необъятно великого и бесконечно святого мира, как церковь, мирилась с формализмом и с квиетизмом в обращении с самыми жгучими нуждами церковной жизни?»

Настоящий очерк был бы неполон, если бы здесь не было упомянуто о К. П. Победоносцеве в роли ближайшего советника императора Александра III, сыгравшего в 1881 году решающую роль в судьбах нашего отечества и характеризующую его как политического деятеля вполне определенного склада, каковым он и остался до конца своих дней.

Появление его в высших рядах нашей бюрократии и администрации не вызвало особенного удивления и по первоначально ни-

кто, по-видимому, не предполагал, что дирижерская палочка правительственного оркестра вскоре очутится именно в его руках. Отставка гр. Толстого и назначение на его место в должности обер-прокурора даже рассматривались многими, как либеральная мера, проведенная тогда «диктатором сердца» в виде уступки общественному мнению, возбужденному консервативным образом мыслей гр. Толстого. Но уже в конце 1880 года, когда новый обер-прокурор по одному из разбиравшихся случаев, относительно заточения католических епископов, заметил: «Бог с ней, с Европой!» — его сотоварищи на совещании поняли, что замена им пожертвованного графа чревата серьезными и неожиданными последствиями. По поводу этого совещания гр. П. А. Валуев впервые заносит в свой дневник применительно к Победоносцеву следующие слова: «Voila le cri de son coeur!» *. Дальнейшие его случайные выступления все яснее обнаруживали в нем силу, с которою придется рано или поздно считаться либеральным элементам правительственного механизма и придворных сфер. Такое его значение начинает в особенности резко и рельефно проявляться после 1-го марта 1881 г., когда он уже начинает посылать личные свои записки новому государю с указанием на неприличное, по его мнению, поведение печати, а также аномальное состояние университетов, благодаря сходкам, «введенным Сабуровым и Д. Милютиным», Наибольшее же значение и силу получает его голос во время обсуждения известного ныне предложения гр. Лорис-Меликова о создании при Государственном совете общей комиссии из земских деятелей и сведущих людей, частью по избранию, частью по назначению от правительства, и требовании от членов министерства общей программы и солидарности действий. После некоторого колебания государь Александр Николаевич согласился с предложением «диктатора», и решено было обнародовать скрепленный по сему предмету акт, но последовало кровавое 1-е марта, Александра II мученически не стало, и затеянное в интересах упорядочения нашего государственного механизма и успокоения общественного настроения графом Лорис-Меликовым начинание вступило в неожиданную для его инициатора фазу. Новый государь, при представлении ему 6-го марта доклада по сему предмету, сначала как будто одобрил этот доклад **, но затем после передачи его на обсужде-

* «Дневник графа П. А. Валуева. 1880 г.» // Вестник Европы, 1907 г.

** Более подробно и содержание доклада, и все перипетии этого краткого периода колебаний будут изложены в очерках, посвященных революционному движению в России.

ние совета министров примкнул к тому меньшинству, которое признало замысел «диктатора» несвоевременным, не соответствующим началам русской государственности и угрожающим неприкосновенности самодержавия. Одним из наиболее горячих оппонентов гр. Лорис-Меликова был именно Победоносцев, которому по свойству его политического и критического ума и всегдашней умелой аргументации не составило особенного труда отыскать в проекте графа слабые места. Последний был похоронен, а с тем вместе закатилась счастливая звезда кавказского героя, которого случайность и всегдашнее правительственное безлюдие не по заслугам выдвинули на роль вершителя судеб русской жизни. Государь император отрешился уже от всяческого колебания и стал целиком на точку зрения своего бывшего преподавателя гражданского права. Победоносцеву, а не гр. Лорис-Меликову пришлось писать известный манифест Александра III, не оставивший в современниках никакого сомнения в том, что наступил уже новый курс, при котором о каких-либо уступках общественному мнению не может быть и речи, а тем более не будет допущено никакое общественное вмешательство в дело государственного управления. Из такого хода событий и роли, в них сыгранной Победоносцевым, за ним признана единомышленниками заслуга спасения самодержавия, а недругами — печальная слава «вдохновителя реакции», надвинувшейся на Россию с мартовских дней 1881 года.

Если таково действительно значение обер-прокурора Синода за этот период перед лицом представителей западного конституционализма, каковыми в нашей литературе признаются и сам гр. Лорис-Меликов, и его помощники и главные советники, то надлежит отметить, что не менее решающим были его слово и значение через короткий промежуток времени, когда московское славянофильство, в уповании на силу и значение нового министра внутренних дел, гр. Н. П. Игнатьева, выдвинуло свой проект созыва земского собора, в надежде при помощи этого созыва парализовать влияние революционного движения и придать русскому правительственному механизму и всему укладу русской жизни их историческое до-петровское значение и характер.

Насколько пишущему эти строки известно, проект созыва собора был составлен ныне покойным ученым славянофилом Голохвастовым при содействии И. Аксакова и, как сам Голохвастов признавался, потерпел крушение под аналитическим скальпелем все того же К. П. Победоносцева, пришедшего в настоящий ужас от замысла своих московских друзей. Этот замысел,

как явление государственного, по его мнению, беспорядка, рисовался ему еще более опасным, нежели проект Лорис-Меликова, в котором как-никак он все же усматривал известную законченность и определенность.

Таким образом два раза в жизни ему пришлось явиться идейным оплотом против посягательства на изменение государственного русла русской жизни и в обоих случаях он действовал с полным убеждением, что русская государственность, как она сложилась после Петровской реформы, никоим образом не подлежит какой-либо радикальной ломке, а лишь нуждается в постепенном прогрессивном эволюционировании в смысле улучшения законодательства, нравственного и культурного усовершенствования исполнителей закона и тех, для кого они пишутся, в исправлении нравов или усилении церковного элемента жизни. Дальше этого в своей правительственной программе он не шел, но зато на такой почве постановки государственных и общественных задач он стоял твердо и не вступал здесь ни в какие компромиссы с своей совестью и своими убеждениями. Для подтверждения этого положения необходимо отметить, что он в своих частных беседах, например, относился с полным порицанием к введенной С. Ю. Витте питейной реформе, утверждая, что не подобает царской казне богатеть за счет порока, болезни и несчастной слабости трудящегося населения. В такого рода признании он оставался верен своему религиозно-нравственному исповеданию, был логически последователен и тверд.

Удар, нанесенный реформаторскому проекту гр. Лорис-Меликова, послужил первой ступенью к падению последнего; то же можно сказать и про следующего министра внутренних дел с его планом земского собора. Когда дни гр. Н. П. Игнатьева были сочтены и возник вопрос о его желательном преемнике, то и тут Победоносцеву пришлось сказать решающее слово, но слово это было не им самим произнесено, а подсказано ему в одном из текущих «Дневников» кн. В. П. Мещерского, назвавшего опального тогда гр. Д. А. Толстого, как такого рода представителя нашей государственности, в программе которого идея сильной правительственной власти стоит краеугольным камнем. Имя было названо, Победоносцев за него ухватился, и вскоре граф появился снова на арене правительственной деятельности в звании министра внутренних дел и с программой обуздания земства и подчинения его самодеятельности правительственной опеке и регламентации...

Выше уже несколько раз было отмечено, что в своей частной жизни К. П. Победоносцев был очень простым, добрым и скромным человеком. Вот как характеризует его с этой стороны в «Московских ведомостях» Поселянин²:

«Как частный человек, он представлял собою высокий образец стройной жизни, вечного неустанного труда, непрерывной работы мысли.

В его сухой, худой фигуре, в пергаменте выбритого лица, в глазах, бесстрастно глядевших на вас сквозь стекла больших черепаховых или кожаных очков, было что-то удивительно напоминавшее немецкого ученого. Даже галстук его — бант на узенькой черной ленточке, каких уже давно теперь никто не носит, — напоминает ученого.

В его громадном кабинете, в нижнем этаже дома на Литейной, с письменным столом колоссального размера и другими столами, сплошь покрытыми бесчисленными книгами и брошюрами, становилось страшно от ощущения развивающейся здесь мозговой работы.

Он все читал, за всем следил, обо всем знал.

Мне пришлось раз в Царском Селе, — где часто на лето ему отводилось помещение в боковом крыле Большого дворца, и где он был свободнее, чем в Петербурге, — разговориться о театре, которым я очень интересовался. Он сказал, что уже очень давно не бывал в театре, кроме как в Москве, на какой-то пьесе Литературно-художественного театра: — «Великий князь Сергей Александрович затащил». Но когда зашла речь о разных пьесах современного репертуара, русского и иностранного, он, оказалось, не только знал их содержание, но и то, что пишут об этих пьесах разные заграничные критики.

Как в человеке удивительно умном и достигшем отчасти мудрости, в нем не было кичливости ума и самомнения, и весь он был очень скромен и непритязателен.

Несравненна была его устная речь: мягкая, образная, приятно-насмешливая и добродушно-ворчливая. Он говорил тем хорошим, чисто-русским народным языком, каким теперь почти не умеют говорить, — и сколько содержательных, метких слов и выражений лилось тогда с его языка.

То была речь старого, бывалого деда, обремененного житейским опытом, но продолжающего страстно впитывать в себя впечатления жизни.

У него был живой нрав, вечно-юная восприимчивость, выражавшаяся подчас и в неожиданной живости жестов и интонаций».

Прошло 25 лет со времени победы над западниками и славянофилами. Сошли со сцены люди сильные волею и крепко сложившегося миросозерцания. Отечественная жизнь под напором разных веяний стала отливать разноцветными переливами, где красный цвет, цвет крови и огня, получил преобладающее значение. К. П. Победоносцев с своими убеждениями и верованиями остался одиноким у обтрепанного и поломанного государственного руля; экипаж стал его плохо слушаться, а слабый голос командира заглушался ревом поднявшейся бури и непогоды. У старого кормчего ослабели руки; пробил час, и он покинул свое место, отойдя в сторону и грустно наблюдая, как рушится и разбивается вдребезги все то, что он так долго и строго холил и берег. Холодеющие уста его шептали молитвы, а навстречу ему неслись раскаты непогоды и буйные крики русской революции, болезненно вонзавшиеся в его сердце...

